
АННА
БЕЛОВА
Каникулы
ДЛЯ ДВОИХ
18+

Анна Белова

Каникулы для двоих

https://litres.ru/74912062
SelfPub; 2026

Аннотация

Остывший дом на берегу Финского залива. Декабрьская вьюга, отрезавшая посёлок от мира. И двое людей, связанных общим детством и разделённых пятью годами глухой тишины.

Ксения приехала сюда, чтобы упаковать прошлое в коробки и навсегда закрыть за собой дверь семейной дачи. Дмитрий вернулся из небытия в тот самый момент, когда она осталась совсем одна.

Она встречает его колючей злостью, помня каждое слово их последней ссоры. Он спокойно принимает её удары, пряча под одеждой собственные шрамы. Впереди — одни зимние каникулы на двоих под крышей, где в каждой комнате живут воспоминания, а от любого случайного прикосновения плавится многолетний лёд.

Содержание

Пролог - Следы на снегу 4
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Анна Белова
Каникулы для двоих

Пролог - Следы на снегу

28 декабря 2025 года, 12:36, Ленинградская область

Левый ботинок заскользил по тонкому льду платформы пригородного вокзала. Ксения перевалилась с одной ноги на другую, старательно удерживая пакеты с продуктами в руках. Некоторые приезжие дачники кинули страдальческий взгляд в сторону девушки. *Так неловко повторить судьбу Анны Карениной. Пусть и не нарочно.*

Электричка издала последний, протяжный скрип – и умчалась развозить немногочисленных пассажиров.

Ксения поставила пакеты на лавочку, пытаясь отыскать в сумке на плече перчатки. Но даже тщательные сборы в дальнюю поездку не смогут помочь, если этих перчаток не было вовсе.

Плюнув на эту затею, девушка посмотрела на экран телефона и отправила подруге голосовое сообщение:

– Цапля, если что – я на месте. Постараюсь вечером тебе позвонить. Думаю, что за несколько дней я успею привести в порядок дачу. Кстати, риелтор, которого ты посоветовала, звонила. Вроде бы нормальная женщина. Ладно, не буду от-

влекать, – последние слова она сказала уже отправленному сообщению.

Она спрятала телефон в карман длинного серого пальто, понадеявшись, что подруга ответит к тому моменту, как Ксения доберется до дачного домика.

Пакеты неприятно оттягивали руки, плечи непривычно заныли, а ноги предательски разъезжались на промерзшей грязевой дороге. Она шла по знакомым с детства улицам, смотрела в пустые окна соседей. Дорога была похожа на длинное черное полотно, и казалось, что ступи на один шаг в сторону, то непременно тебя засосет в эту космическую пустоту, где остались все. Все, кроме Ксении.

Чем дальше она шла, тем реже виднелись домики. Здесь дачные участки были большие, многие объединяли земли в своё время. Сосны тихо шептали на ветру свои успокаивающие песни. Где-то там, за границей её зрения – темнел Финский залив. Такой притягательный и манящий, как заветный подарок на праздник, о котором так долго просила.

Она не сразу заметила Тимофея Сергеевича. Старик словно слился с чернеющей дорогой в своём бушлате и только огненно-красная шапка была как путеводный огонек, на свет которого хотелось идти.

Чем ближе Ксения подходила, тем ошарашеннее становился взгляд Тимофея Сергеевича:

– Ксюнька, ты чего тут зимой забыла? – пробасил он, ловко забирая один пакет из её рук.

– Решила стать порядочным дачником.

– Ага, так я тебе и поверил, девочка. Все нормальные дачники рубают салатики к праздникам, а не едут навещать свои хоромы, – он прокашлялся. – Так что не пытайся меня водить за нос. Говори, чего приехала.

– Решила навести порядок.

– Порядок в доме весной наводят, – не задумываясь ответил Тимофей Сергеевич.

– Так и не про дом речь. В жизни не хватает порядка, – она печально улыбнулась.

Тимофей Сергеевич тяжело вздохнул:

– А где сейчас порядок, девочка? – он замолк, обдумывая следующую фразу.

Но молчание затянулось.

Ксения поежилась от ледяного ветра, который задувал в самую душу. Хорошо, что до дома осталось совсем чуть-чуть. Тимофей Сергеевич только добродушно покачал головой.

– Совсем ты от рук отбилась, Ксюнька. Стой, – он поставил пакет прямо на грязную дорогу и сорвал с себя красную шапку. – Надевай! А то мне потом прилетит от твоей бабули, когда встречусь с ней.

– Спасибо, – тихо вымолвила она. – Думаю, что вам ещё рано на такие встречи собираться.

Уши перестало жечь от легкого мороза.

– Все мы когда-нибудь умрём, чего уж страшиться смерти,

если она прячется за углом, – он осекся. – Прости старика глупого. Совсем забылся. А мы и пришли как раз!

– Ничего страшн…

– Шапку оставь себе. Увижу на улице без неё – уши надеру! – он показательно погрозил ей кулаком и оставил пакет с продуктами у калитки.

– Договорились, – девушка смущенно отвернулась и, подхватив второй пакет, скрылась во дворе.

С остекленной веранды она ещё какое-то время наблюдала за соседом: как он задумчиво окинул взглядом огромный дом с белыми ставнями, а потом неспешно побрел прочь.

13:02

Котел удивленно чихнул, словно совсем не ожидал, что этой зимой его вообще включат. Ксения перевела температурный датчик с запальника на максимум, включила насос и впервые за несколько дней выдохнула. Холодный, спертый воздух напоминал ей, как когда-то отец учил её включать отопление.

Она приложила замерзшие руки к только начинающей теплеть трубе над котлом:

– Осталось только проверить батареи. Все, как ты учил, пап, – руки закололо от разливающегося по ним тепла.

Ксения осмотрела кухню, где ещё стояли чистые прошлогодние кружки, из которых пили отец и брат в свой последний приезд. Творческие мужчины не склонны к порядку. Она разгрузила свою сумку, доставая ноутбук, запис-

ную книжку и несколько распечатанных рабочих текстов на немецком языке с её пометками.

Рука потянулась к телефону в кармане. Сообщение подруге всё ещё значилось непрочитанным. Она разочарованно положила телефон экраном вниз, чтобы меньше мозолил глаза.

Вдруг сверху донесся глухой удар.

Девушка вздрогнула и, настороженно оглядевшись, направилась в сторону крутой лестницы. Тринадцать скрипучих ступенек — и перед ней развилка: три двери. Одна вела в спальню родителей, другая — в детскую, а третья — в комнату бабушки и дедушки.

Пальцы замерли над ручкой первой двери. Металл на ней местами стерся — было видно, как часто эту дверь открывали. Раньше.

Ксения так и не притронулась к этой ручке. Она резко развернулась на пятках и вошла в детскую комнату, где они когда-то жили с Ромой. Тюль на окне перед ней взметнулся от нового порыва сквозняка — неплотно закрытая форточка тихонько дребезжала. В прошлом году никто не проклеил старые оконные рамы, и в них задувал холодный ветер прямо с залива. Мохнатая пятерня, растущей у самого дома, сосны проскребла по стеклу, когда ветер опять сменил направление. Когда-то эта сосенка была совсем крохотной и едва доставала до начала второго этажа, сейчас же она напоминала чудовище, готовое сожрать тебя темной ночью.

Причина шума нашлась тут же. На старом ковре у окна валялась сбитая занавеской банка из-под кофе, где хранились цветные карандаши. Ксения аккуратно собрала их обратно в жестянку и переставила от окна подальше, делая себе зарубку на будущее: проклеить окна. Чтобы не замерзнуть окончательно.

На стене висели старые постеры с поп-группами прошлого десятилетия, на её диване, развалившись, сидели несколько мишек и одна плюшевая обезьяна. На противоположной стороне, у изголовья двухэтажной кровати, висело несколько семейных фото разных лет. Рома с отцом и мужем тети Марины на фоне уличной беседки. Бабушка и дедушка, обнимающиеся у новогодней елки. А на последнем фото Ксюша не сразу себя узнала. Она сияла беззубой улыбкой, щурясь от вспышки камеры. На её коленях лежала детская энциклопедия, а рядом, склонившись над абзацем про Солнечную систему, сидел пасынок тёти Марины.

Ксения убрала все старые фото в ящик письменного стола.

31 декабря 2004 года, 19:50, Ленинградская область

Ёлка в этом году была кривая.

Не просто немного накрененная, а так отчаянно изогнутая, что все папины старания были ей нипочем. Ксения сидела прямо у подножия пушистой, но непропорциональной красавицы, разглядывая свое отражение в стеклянных новогодних шарах.

С кухни доносились тихие звуки радио с новогодними

шлягерами, а также вполголоса переговаривались мама и бабушка. Они что-то обсуждали про «секретный ингредиент».

Папа Ксении — Михаил Александрович Нежный — победно улыбнулся, подкручивая тёмные усы:

– Стоило приложить немного усилий!

Дедушка, который все это время сидел на диване, опустил со лба на нос огромные роговые очки и подозрительно осмотрел работу зятя. В его руках замерли отвертка и колпачок от старой гирлянды.

– Она…

Михаил перебил его, оборачиваясь:

– Прекрасна?

– Падает, Миша.

Ксения успела только увидеть приближающуюся темную лапу с мерцающим елочным шаром, как папа в последнюю секунду перехватил дерево на лету. Одна веточка ласково прошлась по лицу девочки, вызвав у неё задорную улыбку. И добавив пару седых волос на голову отца — хотя по-настоящему поседел он многим позже.

– Ты чем её подпер, Михаил? – буднично спросил дед, возвращаясь к своему занятию.

– Да как чем, Евгений Александрович! Кирпичами. Вон какой большой притащил.

В комнату зашла бабушка, вытирая руки полотенцем, и быстро вклинилась в разговор:

– Случаем не теми кирпичами, что держали калитку?

Дед на этих словах опять сдвинул очки на кончик носа.

У папы покраснели уши. Он шагнул было в сторону ёлки, чтобы достать кирпич, но та только сердито кольнула его сквозь вязаный свитер, заставляя остановиться.

Дедушка Женя покачал головой:

– Иди калитку теперь чини. Скоро гости приедут, а в дом попасть не смогут.

Услышав буксующую в снегу машину у подъездной дорожки, Ксения подлетела к окну и раздвинула тяжелые шторы. Она прижалась носом к зимнему узору на стекле, пытаясь разглядеть, кто это там приехал.

– Давай, Миша, поспеши! – дед сосредоточенно погрозил ему отверткой.

Ксения вперед отца бросилась к двери, подпрыгивая на каждом шаге от нетерпения. Михаил надел теплый бушлат, потрепал дочь по макушке и, мимолетно взглянув в зеркало, пригладил усы и вышел на мороз.

13:43

Ксения вернулась на кухню, по дороге оставив в прихожей верхнюю одежду. Она включила чайник и наконец разобрала пакеты с продуктами, сложив в холодильник всё, что купила в городе.

Ноутбук на кухонном столе тихо загудел, открывая рабочие файлы.

Чай с мятой и лимоном приятно грел руки, когда она придвинула к себе клавиатуру.

«Счастье (не) по расписанию» – значилось в названии немецкого романа, который она должна была успеть перевести к концу новогодних каникул. Самый легкий, бульварный текст: начальник специально поручил его Ксении, когда она вышла из долгого отпуска, рассчитывая, что с такой ерундой она расправится быстро. Но работа над переводом забуксовала где-то на середине.

Пригубив горячий чай и почувствовав, как наконец-то отступает внутренний холод, Ксения поджала под себя ноги и приступила к работе.

Сюжет был до банального прост: молодой финансист Бернард из Берлина отправляется в командировку по поручению большого начальника, но по дороге попадает в метель, и ему приходится остановиться в ближайшем мотеле, где он встречает обворожительную хозяйку Хелен. Он — закрытый, помешанный на цифрах трудоголик, а она — вечный огонь, искры и само воплощение домашнего тепла.

Ксения криво усмехнулась, перечитывая последний переведенный абзац: «Отрезанные от мира снежной бурей, они грели руки у камина, и Бернард вдруг понял, что вся его прошлая жизнь была лишь прелюдией к этой ночи…»

Господи, какая ванильная чушь. Именно на этой десятой главе Ксения и застряла неделю назад. По сюжету дальше у героев начинались душевные излияния, после которых все их детские травмы и потери волшебным образом исцелялись одним страстным поцелуем под омелой. Пальцы Ксении за-

висли над клавиатурой. Переводить чужое выдуманное счастье, когда внутри твоей собственной жизни гулял сквозняк, оказалось на редкость тошнотворным занятием.

К тому же автор романа через строчку лепил одно и то же непереводимое немецкое словечко, означающее «абсолютную защищенность и домашнее тепло». Ксения раздраженно потерла переносицу: ну и как прикажете переводить чувство, которого не существует в природе?

16:25

Когда она оторвалась от работы, на улице уже смеркалось. Холодный синий сумрак укутал дачный домик, а с неба медленно повалил снег. Ксения нажала кнопку «сохранить» и уставшим взглядом окинула двор за окном. Снежинки сплетались в причудливом танце, наконец-то укрывая пышным белым покровом темную, промерзшую землю.

Телефон на столе вдруг подал признаки жизни. Заиграла приятная трель, и, взяв в руки смартфон, Ксения увидела на экране имя тети Марины — та каким-то чудом умудрилась дозвониться в место, где связь ловила через раз.

– Марина?

– Ксюшенька, меня слы-но? – раздалось сквозь шипение.

Девушка поднялась со стула и пошла в сторону коридора, накидывая на плечи первый попавшийся темно-зеленый палантин:

– Очень плохо! – крикнула Ксения и выбралась на веранду, ежась от холода. – Я уже на даче. Сейчас на улицу выйду,

может, там будет лучше слышно.

Марина быстро затараторила в трубку:

– Ну хорошо, что ты уже на месте, а то я начала беспокоиться. Не звонишь и не пишешь, я тут места себе не нахожу! Смогла растопить котел? Тебе помощь не нужна? Может, мне приехать к тебе на пару дней? – связь снова зашипела, съедая слова, но Ксения ощущала от этих помех только облегчение. – Нехорошо, что ты поехала туда совсем одна…

– Все в порядке, Марин, ты же знаешь, я не просто так приехала. Нужно разобрать вещи и…

Она осеклась, толкнув входную дверь плечом. Горло засаднило от собственной лжи. Она врала нагло и весьма убедительно уже больше года. Ничего не было «в порядке» с того самого ноября. Но ей казалось, что чем меньше она плачет и делится своей болью с близкими, тем меньше создает им проблем. Они не должны тратить на неё свои силы, время и нервы.

Ксения выдохнула морозное облачко в почти черное небо:

– Я справлюсь, – еще одна ложь.

– Ксюшенька… – еле различимо донеслось из динамика. – Знаю, родная, ты всегда была нашей сильной девочкой. Просто звони мне каждый день, ладно? – Марина глухо прокашлялась, и Ксения, даже не видя тетю перед собой, легко представила, как та сейчас смаргивает слезы. – Расскажи хоть, как там дом? Ты поела?

Девушка вымученно улыбнулась и приступила к сухому

пересказу сегодняшних дел. Тётю Марину такие бытовые мелочи успокаивали — ей просто нужно было слышать родной голос и болтать ни о чем.

В какой-то момент взгляд Ксении зацепился за два теплых желтых луча: фары приближающегося автомобиля разрезали темноту поселка, в котором не горело ни единого фонаря.

Тетя Марина рассказывала про какой-то санаторий в Подмосковье, куда собиралась поехать после Рождества, а Ксения как завороженная следила за приближающимися огнями. И когда она уже подумала, что припозднившийся сосед сейчас проедет дальше по улице, машина плавно затормозила прямо у её подъездной дорожки.

– Подожди, Марин, – глухо перебила она тётю. – Тут кто-то приехал.

У забора стоял старенький американский внедорожник темно-синего цвета — точно такой же много лет назад был у её отца. Безумная, предательская мысль молнией пронзила сознание.

– Папа?.. – сорвался с губ едва слышный шепот.

– Что?! – тут же насторожилась в трубке Марина. – Ксюша, ты чего? Кто там у тебя?

Не слыша её, девушка медленно опустила руку с телефоном вдоль тела и шагнула с крыльца в снег. Метель разошлась не на шутку, не давая разглядеть того, кто сидел за рулем. Водитель заглушил мотор, но гасить фары не стал. Хлопнула тяжелая дверца. Высокая мужская фигура выныр-

нула из салона, поправляя темную шапку, и шагнула в полосу света.

– Ксения, не молчи! – разнесся из динамика встревоженный голос Марины.

А незнакомец тем временем протянул руку через забор и одним уверенным, привычным движением откинул калитку — так, как умели делать только свои. Только те, кто знал секрет старой заедающей щеколды.

И Ксения сорвалась с места.

Пушистый снег в одно мгновение превратился в колючие иглы, которые хлестали по лицу и обжигали щеки. Ноги в тонких домашних тапочках разъезжались на обледенелой тропинке, палантин слетел с плеч, но какое-то отчаянное наваждение гнало её вперед.

Она неслась к калитке на одном дыхании — пока со всего маху не врезалась в широкую, твердую грудь.

Мужчина глухо выдохнул от неожиданности, но даже не пошатнулся — только мгновенно, на каких-то звериных рефлексах, перехватил её крепкими руками за талию, не давая поскользнуться и упасть. От его куртки пахло морозом, терпким древесным одеколоном и сигаретным дымом.

Ксения судорожно вздохнула и вскинула голову, вглядываясь в затененное лицо и отчаянно надеясь увидеть родные отцовские усы… но наткнулась на ошарашенные, до боли знакомые карие глаза с пляшущими в них смешинками.

– Нежная, я, конечно, тоже рад тебя видеть, – хриплова-

тый баритон прозвучал прямо над её макушкой, – но ради этого точно не стоило выбегать на мороз босиком.

И он улыбнулся — так тепло, открыто и обезоруживающе, словно не он сейчас был ожившим призраком, ворвавшимся в её одиночество спустя пять лет тишины.

Иллюзия рухнула, оставив после себя ледяную пустоту. Ксения с горьким разочарованием выдохнула, упираясь ладонями в его грудь:

– Дима?.. Какого черта…

Забытый в руке телефон закричал с удвоенной силой:

– Ксения, немедленно ответь мне! Кто там?! Иначе я сейчас же вызову полицию!

Но девушка словно онемела. Перед ней из плоти и крови стоял человек, которого она собственноручно вычеркнула из своей жизни — и из жизни своей семьи — много лет назад.

Дима опустил взгляд на светящийся в её пальцах экран. Прочитал имя, и улыбка медленно сползла с его губ, уступая место тяжелой, виноватой тени. Он осторожно, почти бережно накрыл ледяную ладонь Ксении своей широкой горячей рукой — так, что от этого забытого тепла у неё внутри всё сжалось, — и поднес телефон к лицу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.